

Р
33089

ПРОФ. Н. КОРОБКОВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ
П. А. РУМЯНЦЕВ-
ЗАДУНАЙСКИЙ

Из
Господицизда. 1944

ПРОФ. Н. КОРОБКОВ

фельдмаршал
П. А. РУМЯНЦЕВ-
ЗАДУНАЙСКИЙ

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1944

Фельдмаршал граф Пётр Александрович
РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ

ажнейшим результатом внешней политики русского государства в начале второй половины XVIII века явилось сокрушение могущества хищнического прусского королевства, дальнейшее усиление которого явилось бы серьёзной угрозой для жизненных интересов России.

Разгромив Пруссию в Семилетней войне (1756—1762 гг.), русский народ надолго устранил эту угрозу и высоко поднял в Европе престиж своего государства. В итоге войны создались благоприятные международные условия для дальнейшего укрепления и роста России и русской культуры, что и было достигнуто в период царствования Екатерины II (1762—1796 гг.).

В годы Семилетней войны русская армия укрепилась и усовершенствовалась, но опыт показал и необходимость её реорганизации. В практике

боёв выросло тогда много талантливых русских командиров, среди которых одним из наиболее талантливых полководцев и администраторов справедливо считали молодого генерала графа П. А. Румянцева, особенно прославившегося замечательными действиями по осаде и взятию Кольберга в 1761 г., во время войны с Пруссией. В той же войне начал свой боевой путь и величайший русский полководец А. В. Суворов — тогда подполковник в корпусе Румянцева.

Располагая крупной военной силой, усовершенствованной после Семилетней войны, имея великолепных солдат и талантливых полководцев, освобождённая от опасности удара с Запада, Россия могла приступить к решению важнейших задач, выдвинутых ещё Петром I.

Пётр вынужден был в своё время ограничиться решением самого важного тогда для России вопроса—о выходе к Балтийскому морю и обеспечении северо-западных рубежей. Вопрос об исконных русских землях, остававшихся во владении Польши, и об обеспечении границ на юге, откуда постоянно грозили грабительские набеги татар, был поставлен на очередь лишь после победы над Пруссией. С решением этих проблем неразрывно связаны славные имена Румянцева и Суворова, вернувших Белоруссию и Западную Украину в состав русского государства. Деятельность этих двух замечательных руководителей русских войск обеспечила присоединение Крыма к России и продвинула на юго-западе русские границы до Днестра, под-

готовив дальнейшее продвижение их до Прута и Дуная.

Румянцев был первым после Святослава русским полководцем, войска которого не только закрепились на берегах Дуная, но и перешли его. Это торжество русской армии было отмечено присвоением Румянцеву наименования «Задунайский».

1

ДЕТСТВО И МОЛОДЫЕ ГОДЫ П. А. РУМЯНЦЕВА

Пётр Александрович Румянцев-Задунайский родился в Москве 4 января 1725 г. — в год смерти Петра Великого. Отец будущего фельд-маршала, один из «птенцов гнезда Петрова», был генералом и исполнял в это время обязанности русского посла в Турции. В годы царствования императрицы Анны, когда под покровительством Бирона руководящие должности при дворе и в армии захватили наехавшие в Россию немцы, отец Румянцева подвергся опале. За протест против немецкого засилья и разорявшей страну роскоши двора он был разжалован, лишён чинов и сослан в село Чеборчино, Алатырского уезда. Здесь, в деревенской глуши, прошли детские годы будущего полководца. Позднее А. И. Румянцев был прощён и получил назначение губернатором Малороссии; вместе с семьёй он переехал

в главный тогда город Украины (административный центр) — Глухов. Отец нашёл здесь для мальчика хорошего учителя. Это был Т. М. Сениутович, образованный по тому времени человек, окончивший курс в черниговском коллегиуме, а затем учившийся «в иностранных землях». Он передал своему ученику много знаний. Иностранные языки мальчик усвоил от матери.

Ещё ребёнком Румянцев был записан рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк, но продолжал жить у родителей. Четырнадцати лет от роду отец отправил его для учения в Берлин, но мальчик пробыл здесь недолго. Его вернули в Петербург, где он поступил в сухопутный кадетский корпус, но не закончил его. В 1740 г. Румянцев по ходатайству отца был произведён в подпоручики.

После успешного окончания войны со Швецией (1741—1743 гг.) вести переговоры о мире (в Або) было поручено А. И. Румянцеву. Последний взял вместе с собой и сына, уже произведённого в капитаны. 29 июня 1743 г. молодой Румянцев привёз в Петербург утверждённый шведским королём выгодный для России мирный Абоский трактат. По этому случаю Румянцев был пожалован в полковники и получил Воронежский пехотный полк, которым начал командовать восемнадцати лет.

Если первые производства Румянцева вплоть до чина полковника шли по связям и ходатайствам отца, пользовавшегося влиянием при дворе императрицы Елизаветы, то никак нельзя

сказать того же о последующей службе Румянцева, где он стал выдвигаться благодаря своим личным заслугам. Оказавшись в восемнадцать лет командиром полка, он первое время вёл легкомысленный образ жизни, причинявший немало огорчений его родителям. Позднее он много учился, работал, увлёкся службой и тесно сблизился со своим полком. Во всяком случае ко времени производства его в генерал-майоры это был человек с установившимся характером и взглядами. Уже в самом начале войны с Пруссией Румянцев выделялся из среды остальных генералов не только остротой ума, но и глубиной военных знаний. Наряду с этими качествами в Румянцеве ярко проявлялась черта, сказавшаяся во всей его деятельности: глубокая принципиальность. В вопросах, важных для армии, он отстаивал собственную точку зрения, невзирая на то, что это вызывало озлобление его начальников, среди которых было много генералов-немцев.

Особенно не любил Румянцева генерал-аншеф В. В. Фермор, неизменно дававший ему отрицательные характеристики, как это он сделал, например, при секретном обследовании армии генералом Костюриным в 1759 г. Надо отметить, что одной из крупных причин конфликта между Румянцевым и Фермором явился решительный протест молодого генерала против принятой главнокомандующим кордонной системы расположения войск. Эта система, требовавшая равномерного распределения войск по линии обороны

«кордоном»¹, была типична для немецких теоретиков и выработана на практике наёмных армий.

Специфическая их тактика заключалась в том, что полководец стремился не поразить в сражении живую силу противника, а истощить его постепенными, медленными действиями, захватом территорий и укреплений, особенно же разрушением продовольственных баз и коммуникаций.

Одной из основ этой тактики являлась неразрывность линейного боевого порядка, при котором войска лишались возможности наносить противнику массированный удар. Действия велись растянутыми на широком фронте силами. Зато такое расположение войск позволяло не ослаблять надзора за солдатом, не имевшим никакого морального стимула к самопожертвованию и склонного к дезертирству. Солдат же национальной русской армии, призванный по рекрутскому набору, наоборот, шёл в бой как защитник родины; самоотверженность, доблесть, мужество составляли его основные качества. Естественно, что ограничительные правила тактики немецких наёмных войск оказывались для него излишними. Между тем генералы-немцы, не понимавшие особенностей русского войска, упорно насаждали в нём чужеродные принципы немецкого военного искусства.

Протестуя против этих принципов, Румянцев уже тогда выступил как носитель идеи русской

---

¹ Кордон (франц.) буквально — верёвка, шить.

национальной армии, свойства которой позднее получили отражение в стратегии и тактике как самого Румянцева, так и Суворова, Кутузова и их учеников и соратников.

2

РУМЯНЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ С ПРУССИЕЙ (1756—1762 гг.)

В начале Семилетней войны (1756 г.) Румянцеву было поручено привести в порядок части плохо подготовленной к походу русской конницы, и он весьма успешно выполнил задание. В сражении под Гросс-Егерсдорфом (19 августа 1757 г.) два полка бригады Румянцева решили исход битвы: «продравшись» через болотистый лес, они подкрепили расстроенный фронт и штыковым ударом решительно отбросили противника, потерпевшего затем полное поражение.

Зимой 1757/58 г. Румянцев обучал вверенные ему кавалерийские полки. Он стремился придать им подвижность, обучить смелому и решительному действию в конном строю, атакам на полном галопе и поражению врага холодным оружием. В 1758 г. Румянцев, командуя одной из двух колонн, наступавших в Восточной Пруссии, занял Тильзит. Затем во главе своих частей он вместе с войсками генерала Ивана Салтыкова вступил в Лабиау, Кёнигсберг и Эльбинг.

В 1759 г. Пётр Александрович руководил формированием особого тылового корпуса, предна-

значенного для прикрытия военных складов продовольствия по Висле и в Восточной Пруссии, работал по укомплектованию и снабжению армии, участвовал в управлении занятой русскими Восточной Пруссии. 12(23) июля 1759 г. в сражении при Пальциге воспитанные Румянцевым русские кирасиры¹ под командованием генерала Панина молодецкой атакой опрокинули прусскую пехоту, разгромили и обратили в паническое бегство врага. В великой битве при Кунерсдорфе (1(12) августа 1759 г.) Румянцев в решительную минуту опрокинул пытавшуюся атаковать русских кавалерию противника и оказал этим существенное влияние на исход боя, закончившегося невиданным разгромом прусской армии.

При талантливом фельдмаршале П. С. Салтыкове Румянцев играл очень видную роль, а его успешные действия под Кунерсдорфом выдвинули его в самые первые ряды русских командиров.

В 1761 г. Румянцеву было поручено овладеть важной прусской приморской крепостью Кольбергом, защищавшей с северо-востока подступы во внутренние области королевства и к Берлину. Задача была трудная. Попытки русских (в 1758 и 1760 гг.) захватить крепость оказались неудачными и только побудили короля усилить оборону Кольберга. Гарнизон крепости был доведён до 4 тысяч человек при 140 крепостных

---

¹Кирасиры — части так называемой тяжёлой кавалерии, имевшие металлические панцири — кирасы — и вооружённые длинными палашами.

орудиях. В непосредственной близости к городу пруссаки создали мощную систему обороны: высоты, расположенные к западу, были обращены в лагерь, исключительно сильно укрепленный и трудно доступный благодаря природным условиям. В лагере было расположено 12 тысяч солдат принца Вюртембергского.

С востока систему укреплений защищал болотистый кольбергский лес. К югу и к северу от последнего тянулись труднопроходимые топи, которые прерывались возвышенностями, сильно укрепленными противником. С запада (со стороны лагеря) лежали обширные болота и искусственные затопления. Глубокая река Персанта, протекавшая с юга на север и прикрывавшая Кольберг также и с запада, ещё более затрудняла действия осаждающих.

Румянцев прочно обложил укрепленную местность с суши, а с моря блокировал крепость при помощи флота.

Стремясь прорвать окружение, немцы решили нанести удар по русскому левому флангу. С этой целью в город Трептов ими был выслан отряд генерала Вернера из 2 тысяч кавалеристов и 300 пехотинцев при шести орудиях. Задачей отряда являлось внезапное нападение на русский тыл. Румянцев очень быстро получил сведения о движении Вернера и тотчас отправил вслед за ним драгун, казаков и два батальона гренадер под командой Бибикова. Ночью русские окружили город и близлежащие деревни.

Дальнейшие действия в подобных случаях

развивались медленно. Полководец выстраивал свои войска в две располагавшиеся одна за другой (на расстоянии 100—150 шагов) линии. Наступление велось широким развёрнутым фронтом. Поскольку войска строились и наступали медленно, наступающий лишался выгоды внезапности. Скованный неповоротливостью своего боевого порядка, при котором требовалось равномерное распределение силы по всей линии, он не мог сосредоточить войска в определённой точке и нанести врагу удар по особенно чувствительному для него участку. Всякое маневрирование было до крайности затруднено:

Но Румянцев применил под Трептовом совершенно новую тактику. Вместо линий он построил своих гренадер в плотные батальонные колонны и обрушил их на противника быстрым сосредоточенным ударом.

Удар был так неожидан и мощен, что вызвал полное расстройство сил противника. Город был быстро занят русскими. Между тем кавалерийские части атаковали деревни, выбили врага и гнали его дальше. Противник потерял при этом более 600 человек убитыми, 500 человек пленными (среди которых был и сам генерал Вернер), два орудия и обоз. Одновременно началось наступление русских на правом фланге.

Осада крепости развивалась успешно, но вскоре в тылу Румянцева явилась неожиданная угроза. Сильный отряд прусского генерала Платена, высланный королём Фридрихом, быстрым налётом, разрушая русские коммуникации и уни-

чтожая склады продовольствия, приблизился к Кольбергу и поставил под угрозу сообщения Румянцева с его тылом.

Военный совет, созванный 9 сентября, ввиду сложности положения предложил отступить, но Румянцев не согласился на это. Между тем Платену удалось прорваться и соединиться с гарнизоном крепости, численность которого повысилась в связи с этим до 17 500 человек. При создавшемся положении надеяться на успех было почти невозможно, и 23 сентября военный совет вновь предложил снять осаду. Но Румянцев и на этот раз отклонил предложение. Оставив мысль об атаке Кольберга, он обратил всю энергию на разрушение коммуникаций противника.

В конце сентября русские захватили ряд транспортов неприятеля, взорвали его артиллерийские склады в городе Гольнове, заняли Наугард и нанесли крупные поражения отрядам, высланным для охраны продовольственных баз. Положение пруссаков стало опасным, и они решили отправить отряд Платена и генерала Кноблоха для восстановления коммуникаций. На подкрепление этих частей король выслал отряд полковника Корбьера.

Движение Корбьера к Гольнову не укрылось от Румянцева, и он выслал против немцев свою лёгкую конницу. «В ночи прусской корпус стал за Гольнов, оставя в городе гарнизон, — вспоминает Суворов, служивший подполковником в войсках Румянцева.—С одним гренадерским баталь-

оном я атаковал ворота и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусский отряд через весь город за противные ворота и мост, до их лагеря, где побито и взято было много в плен». В числе тысячи пленных был и сам Корбьер.

Между тем Румянцев погнался за Кноблехом, окружил его отряд и вынудил сдаться. Русские взяли более 1 600 пленных, 15 знамён, 7 орудий. Благополучно отступить удалось лишь отряду Платена.

Тем временем осаждённые в крепости немцы испытывали всё более острый недостаток в продовольствии. Дезертирство среди них начало принимать угрожающие размеры. Чтобы пресечь массовое бегство солдат, прусское командование принимало самые жестокие меры: пойманным отрезали носы и уши; изуродованные таким образом люди нередко всё же добивались до русского лагеря. Отряд Платена делал попытки открыть пути подвоза провианта для крепости, но все эти попытки кончались неудачей.

В критическом положении, создавшемся для Кольберга, принц Вюртембергский, командовавший войсками укрепленного кольбергского лагеря, в конце октября отступил на соединение с отрядом Платена. Заняв оставленный лагерь, русские повели интенсивную осаду крепости; в ночь с 4 на 5 они взяли укрепление Вольфсберг, на следующий день заняли устье Персанты и подошли к городу; атакой захватили одно из его

предместий. Начались траншейные работы и подготовка к штурму.

Король, стремившийся во что бы то ни стало удержать крепость, приказал Платену и принцу Вюртембергскому атаковать Румянцева, прорваться к Кольбергу и доставить туда транспорт провианта. Но атака всюду была отбита, и противник, преследуемый лёгкой конницей, был вынужден к поспешному отступлению.

Предвидя штурм крепости и неизбежную гибель при этом её гарнизона, комендант Кольберга полковник Гейде, защищавшийся до последней возможности, предложил сдать крепость на почётных условиях. Румянцев не согласился, и 5 декабря Гейде сдался на условиях, продиктованных русскими. Было взято около 3 тысяч пленных, 146 крепостных орудий, знамёна, огромные запасы оружия, снарядов, амуниции.

Взятие Кольберга явилось последним актом войны 1756—1762 гг. Запершись в полуразрушенном артиллерией дворце в Бреславле, король собирался передать власть своему племяннику и отравиться. Как он писал в это время, «Пруссия лежала в агонии, ожидая последнего обряда».

Смерть Елизаветы Петровны, вступление на престол Петра III и изменения, произошедшие в связи с этим в русской политике, спасли Пруссию от расчленения. Однако в целом результаты Семилетней войны оказались для России весьма

положительными: развитию прусской агрессии был решительно положен предел; международное влияние России поднялось на невиданную до тех пор высоту.

3

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ РАБОТА РУМЯНЦЕВА

В феврале 1762 г. Румянцев, произведённый в генерал-аншефы, был назначен командующим войсками в войне, которую Пётр III собирался начать против Дании. В июне на пути к Штеттину его задержал манифест о вступлении на престол Екатерины II и повеление сдать команду графу П. И. Панину и явиться в Петербург.

Зная неприязненное к нему отношение Екатерины, Румянцев подал прошение об отставке «по болезни» — мотив, которым ему так часто приходилось пользоваться позднее. Он поселился вдали от Петербурга и лишь после длительных настояний нуждавшейся в нём императрицы, родственников и друзей, наконец, приехал в столицу, где был «ласково принят» Екатериной.

В это время правительство приступило к большой работе по переустройству русской армии на основе опыта только что законченной войны с Пруссией. В 1763 г. была создана Военская комиссия, в состав которой вошёл ряд отличившихся на войне генералов. Был реорганизован генеральный штаб, упорядочено положение командного состава, полки приведены к численному единообразию и в составе их установ-

лены по две дополнительные роты, предназначенные служить запасом для укомплектования полков в военное время; учреждён был егерский корпус. Егерей вооружили нарезными ружьями и стали учить «прикладываться с совершенным прицеливанием», быстро перестраивать фронт, действовать в рассыпном строю, «наступать и отступать с пальбою». Улучшена была артиллерия. При значительном расширении состава армии резко увеличена была численность конницы. Одной из важнейших основ этих реформ явился опыт преобразований в войсках осадного корпуса Румянцева под Кольбергом.

Комиссия установила более удобное обмундирование, ввела новый пехотный и кавалерийский уставы, являвшиеся шагом вперёд в деле улучшения армии, но всё ещё заключавшие в себе немало вредных усложнений и неясностей. Уставы не были общеобязательными. Каждый начальник, вплоть до командира полка, мог вносить в них изменения, которые казались ему полезными. Не было установлено и единства в приёмах обучения войск.

Руководители реформы хорошо понимали, что особенности национальной русской армии исключают необходимость ограничиваться образцами, принятыми для западноевропейских наёмных войск. Они нащупывали новые методы и устанавливали принципы, отвечавшие специфике русской военной организации, и неизбежно возвращались при этом к положениям, в своё время выработанным Петром I и изложенным в его

Уставе воинском 1716 г. Никто из современников не умел, однако, так оценить значение петровского устава, как Румянцев и начинавший тогда свою деятельность Суворов, которые видели в Петре высокий образец для подражания и стремились развивать в своей военной практике завещанные им принципы.

Создав русскую национальную армию, построенную на принципе комплектования её рекрутскими наборами, Пётр выработал и замечательную систему воспитания войск. В каждом солдате развивал он прежде всего сознательное отношение к своему воинскому долгу, высокие воинские моральные качества. Прямым выводом отсюда явилось развитие инициативности, чувства товарищеской спайки и взаимной поддержки, прочность связи между офицером и солдатом, смелость в натиске и стойкость в обороне.

Обучение войск Пётр подчинял исключительно целям войны, отбрасывая всё то, что не имело непосредственного боевого значения. Он учил войска слаженному действию в строю, «разным оборотам», быстрым перестроениям, развивал способность к выносливости и длительным переходам, учил совершенному владению оружием как холодным, так и огнестрельным. Громадное внимание уделялось меткой стрельбе в цель.

Но за сорок лет, протекших со времени смерти Петра, устав был забыт, а здоровые начала скрыты мусором мелочных правил, введён-

ных в русской армии и её уставах сторонниками немецкой военной школы.

Реформы, осуществлённые Военской комиссией после Семилетней войны, устранили много вредного, но ясность петровских положений всё же не была ещё восстановлена, и многие ненужные усложнения, накопившиеся за предыдущие годы, когда русское военное искусство пытались заменить чужеродными немецкими принципами, не были изжиты.

Румянцев яснее, чем кто-либо из его современников, руководивших армией, видел эти недостатки. Он устранял их в практике своей работы по обучению и воспитанию войск, которыми командовал, а итоги этого опыта в 1770 г. свёл в выработанном им новом уставе, получившем название «Обряд службы». Простота и преимущества нового устава, испытанного на практике в кампании 1770 г., были столь очевидны, что он был принят затем и для всех русских войск.

Румянцевский «Обряд» оказал сильное влияние и на Суворова, который в своей «Науке побеждать» дал русским войскам замечательное руководство по воспитанию, обучению и основам тактики.

Румянцев был одним из первых, старавшихся ввести полное единообразие в подчинённых ему частях как в обучении войск, так и в несении полевой и гарнизонной службы.

Ещё важнее было установление совершенно необычного для западных армий принципа оценки солдата как сознательного защитника

отечества. В этом Румянцев непосредственно продолжал традиции Петра. «Если положение военного человека в государстве считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным, — писал ученик Румянцева граф Воронцов в «Инструкции ротным командирам», — то в то же время оно отличается от них неоспоримую честью и славою, ибо воин преодолевает труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает сограждан, защищает их от врагов, обороняет отечество».

Инструкция, исходя из «Обряда службы», требовала уважения к рядовым, повышения их чувства собственного достоинства, с тем чтобы «честь заслуженную полком... каждый солдат на себя переносил». Забота о солдате, его физическом здоровье, бытовом благоустройстве, госпитальном обслуживании выдвигалась как первый долг командира. Во всём этом звучат мотивы, получившие дальнейшее развитие в деятельности Суворова, который, не без основания называл Румянцева своим учителем.

4

КАМПАНИЯ 1770 г.

СРАЖЕНИЕ ПРИ РЯБОЙ МОГИЛЕ

Румянцев не долго пользовался милостями императрицы, и уже в 1764 г. был по собственному ходатайству уволен «для лечения». Но ещё не укрепившееся екатерининское правительство было достаточно умно, чтобы не отстранять от

себя таких людей, как Румянцев, и его вскоре, в связи с упразднением гетманства, назначили генерал-губернатором и командующим войсками Украины. Эта должность за ним так и осталась до конца жизни, несмотря на последующие изменения в его придворном положении и военные назначения.

Не останавливаясь здесь на административной деятельности Румянцева как «правителя Малороссии», которая безусловно отражала политику империи того времени, нельзя не отметить военного значения мероприятий Румянцева по усилению южнорусских границ. Охрану их составлял кордон — слабая и тонкая «нитка» войск, опиравшихся на линию мелких укреплений с единственной значительной базой на правом берегу Днепра — крепостью святой Елизаветы.

Румянцев в корне реорганизовал эту систему. Он заменил кордон сильными подвижными колоннами, размещёнными в наиболее важных пунктах прежней линии. Но всё это он расценивал лишь как полумеры: лучшим и необходимым средством усиления обороноспособности юга Румянцев считал решительное исправление границ и продвижение их до Чёрного моря, Буга и Днестра.

Дальнейшее развитие исторических событий показало, насколько прав был Румянцев в своих требованиях. В осуществлении их ему самому пришлось сыграть важнейшую роль.

В начале 1769 г., в связи с объявлением Турцией войны, Румянцева назначили командующим

Второй «вспомогательной» армией, предназначенной для действий против Крыма, но осенью того же года его пришлось перевести на место командовавшего Первой армией князя Голицына, пассивность которого вызывала общее осуждение. Вторую армию дали графу Панину, которому поручили выполнение главной части операционного плана — овладение крепостью Бендеры. Первая армия предназначалась лишь для прикрытия этих операций.

Не имея возможности отказаться от выполнения плана, выработанного при дворе, Румянцев внёс в него поправку, радикально изменившую направление действий. Задачу пассивной обороны он заменил активными действиями и предложил начать наступление между Прутом и Серетом, с тем чтобы не позволить неприятелю перейти на левый берег Дуная. Этим не только облегчалась осада Бендер, но и освобождалась часть сил Второй армии для активных операций на Дунае.

Приняв командование, Румянцев быстро занял Яссы и развернул широкие операции передовых частей в Молдавии, где им было создано контролируемое Россией правительство. Войска вступили в Валахию, заняли Бухарест. Румянцев не увлекался, однако, этими успехами, которые неизбежно влекли за собой распыление сил, и, очистив часть занятой территории, стал стягивать войска, подготавливая их к весенней кампании.

Решительное наступление началось в апреле 1770 г. Часть войск для обеспечения операций армии Панина была оставлена у крепости Хо-

План театра военных действий в кампанию 1770 г.

тин, завоёванной русскими ещё до назначения Румянцева. Особые корпуса охраняли тыл со стороны Польши и занимали Молдавию. Главные силы под командой Румянцева выступили от Хотина на Липчаны. После труднейшего перехода по бездорожной и поражённой чумой местности они в конце мая двинулись навстречу врагу, обладавшему громадным численным превосходством. Главные турецкие силы сосредоточились к этому времени возле переправы через Дунай у Исакчи; на соединение с ними шли из Молдавии крупные турецкие отряды и войска крымского хана. Последние подходили к местности, известной под названием Рябая Могила (по имени кургана). Ближайшей своей задачей Румянцев ставил не допустить соединения сил противника.

Успех русского наступления строился на том расчёте, что противник не должен был подозревать о незначительности сил наступающих. С другой стороны, были приняты тщательные меры к прикрытию операционной линии, чему Румянцев придавал особое значение. «Не обеспечивая надёжно оставаемого за собою, большими шагами нельзя ступать вперёд»,—писал он.

Несмотря на разведку, хорошо организованную Румянцевым, точное расположение противника не было известно.

Чтобы не позволить ускользнуть противнику и в то же время облегчить возможность быстрого движения воинских масс, Румянцев разделил свою армию на три группы, дав каждой

особый маршрут и точно определив точку соединения. Хорошо налаженная связь позволяла в случае необходимости в любой момент быстро сосредоточить все силы.

На пути к Рябой Могиле передовые разъезды авангардного корпуса князя Репнина обнаружили быстро увеличившиеся скопления татарской конницы. Враг ринулся в атаку. Репнин отразил натиск при помощи подоспевшего корпуса генерала Баура (где начальником штаба был молодой Кутузов). Вслед за тем подошли и главные силы Румянцева. 11 июня вся армия сосредоточилась. Это был первый в русской военной истории пример наступления частями и сосредоточения их перед боем.

Тщательные рекогносцировки и подготовка к бою заняли четыре дня. 15 июня неприятельская конница численностью до 10 тысяч человек внезапно атаковала корпуса Репнина и Баура, действуя на них также с фланга и тыла. Сражение длилось с полудня до 6 часов вечера и закончилось бегством врага, разгромленного артиллерийским огнём и смелым натиском пехоты.

Противник отошёл к своим главным силам, занимавшим лагерь, расположенный «на высокой и утёсистой горе, лежащей при реке Пруте, пониже Рябой Могилы, и окружённый обширным ретранжаментом с сорокью четырьмя пушками», как отмечал «Журнал о военных действиях» армии Румянцева.

Румянцев наметил нанести противнику главный удар с севера, направив туда главные силы

и авангард Баура (до 23 тысяч человек). Правый фланг (с северо-востока) должен был атаковать Репнин (до 14 тысяч человек). Отряд Потёмкина (около 4 тысяч человек) направлялся на запад, в тыл противника.

Ночью с 16 на 17 июня колонна Репнина переправилась через лежавшую на пути речку и двинулась в обход противника слева. Главные силы и корпус Баура также начали наступление. На рассвете противник ещё не был, однако, полностью окружён, так как высланный вперёд отряд генерала Потёмкина (будущего князя Таврического) не успел подойти в назначенное время. Тем не менее Румянцев, в последний момент усилив Репнина конницей, а Баура пехотой, приказал тремя ракетами дать сигнал к действию.

Преодолевая сопротивление противника и естественные препятствия, Баур занял высоты, лежавшие правее вражеского лагеря, и открыл отсюда артиллерийский огонь. Вслед за авангардом сюда же подошли главные силы Румянцева, составлявшие вместе с тем общий резерв. Татары сконцентрировались в этом направлении, когда на них с фланга неожиданно обрушилась колонна Репнина. Хан бросил против последнего свою мощную конницу, но её атака против подвижных и тесно связанных между собой мелких «кареев»¹ оказалась безрезультатной. Приведя в

¹ «Карей» — каре (от французского слова, означающего «четырёхугольник») — боевое построение в виде замкнутого прямоугольника с фронтом по каждой стороне. Предназначалось преимущественно для борьбы пехоты с конницей.

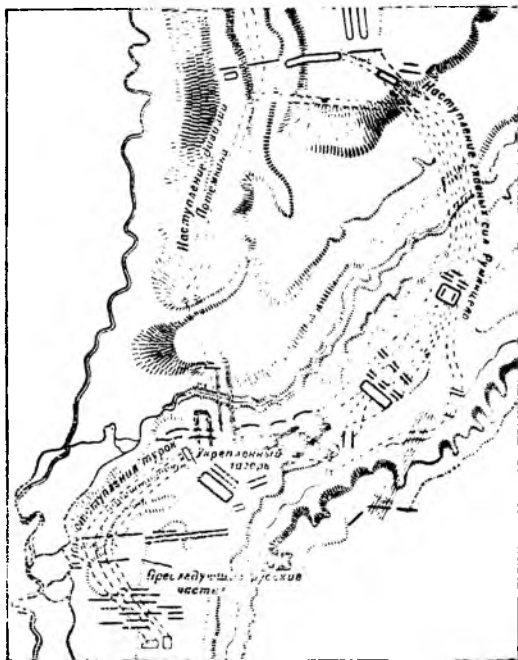
порядок отхлынувшие конные части, хан обрушил их на главные силы Румянцева.

Между тем энергичный артиллерийский огонь с высоты, занятой Бауром, наносил расположенному в лагере противнику огромный урон и вызвал панику, которая передалась и коннице, безуспешно атаковавшей Румянцева и терпевшей при этом тяжёлый урон от огня артиллерии и пехоты. Поражаемые с фронта пехотой, а в тылу артиллерией, стрелявшей с высот, метавшиеся взад и вперёд конные толпы татар пришли в полное замешательство. Неприятель стал поспешно очищать лагерь. В это время появились головные части запоздавшей, высланной в обход противника колонны Потёмкина. Видя свои пути отступления под угрозой, неприятель отчаянно атаковал конницей эти части, но и тут не добился успеха. Отступление превратилось в бегство. Румянецв выслал для преследования всю тяжёлую кавалерию. Завязался упорный бой с мощным арьергардом противника. На поддержку тяжёлой кавалерии были высланы гусары под командой генералов Подгоричани и Текели.

Преследование продолжалось более чем на 20 вёрст. Преимущества, которые давали врагу его лошади, привычные к скачке в гористых местностях, спасли турок от полного истребления, так как тяжёлая русская кавалерия не могла нагнать бегущих и постепенно отстала. Очень знаменательно было пропорциональное соотношение потерь: если в сражении у лагеря враг оставил более 500 трупов, то русские имели только 17

человек убитыми и 37 ранеными. Пленные показали, что в бежавшей армии «почиталось турецкой пехоты 11 тысяч и конницы 11 тысяч же да татар 50 тысяч». С этими силами хан намеревался перейти Прут и уничтожить корпус князя Репнина, рассчитывая, что тот не успеет получить поддержку русских главных сил. Появление под лагерем армии Румянцева явилось для хана полной неожиданностью. «Ужаснувшись окружающих их со всех сторон войск», численность которых они предполагали не менее полутора тысяч, и потеряв ориентацию в обстановке, татары и турки не были в состоянии оказать русским достаточно стойкого сопротивления, хотя численно обладали двойным превосходством.

Сражение при Рябой Могиле — первый большой бой после Семилетней войны — показало, как высоко поднялось русское военное искусство со времени последней войны. Тогда да и в начале Турецкой войны, до назначения Румянцева, наступление осуществлялось всегда сплошной массой войск, хотя и разделённой на колонны (с внутренним делением на авангард, главные силы и арьергард). Румянцев, наступая к Рябой Могиле, разделяет свою армию на части, из которых каждая имеет особое назначение и собственный маршрут. Войсковые группы своевременно соединяются в намеченной полководцем точке для атаки врага всеми силами. Это был первый в русской истории и притом блестяще осуществлённый опыт наступления разъединёнными силами к общей точке действия, первый в европейской

Сражение при Ларге (по плану XVIII века)

военной истории опыт концентрического наступления, принцип которого получил полное развитие лишь в войнах второй половины XIX века.

При подготовке сражения и в его осуществлении действия Румянцева целесообразны, оригинальны и строго соответствуют особенностям обстановки. Тщательно изучив противника, полководец учёл особенности его организации, методов действия и психологии. Сложные, образцово проведённые и согласованные передвижения осуществлены глубокой ночью. Атака ведётся одновременно всеми силами, но не сплошной массой, как уже указано было, а группами. Авангард, предназначенный для сковывания сил противника, вместе с тем служил резервом и обеспечивал успех фронтальной атаки.

Всё это было огромным прогрессом по сравнению с тактикой русской армии в предыдущей войне.

5

ПОБЕДЫ ПРИ ЛАРГЕ И КАГУЛЕ

Тотчас после сражения при Рябой Могиле Румянецв отправил отряд Потёмкина для наблюдения за отступавшим противником. Выделив несколько отрядов для охраны важнейших направлений (медлительность движения армии графа Панина оставляла его фланг незащищённым), Румянецв двинулся к нижнему течению Дуная. Армия Панина в это время только что дорепра-

вилась через Днестр и шла по направлению к Бендерам.

Вскоре между течением Прута и рекой Ларгой был обнаружен лагерь противника. Это были части бежавших и приведённых затем в порядок ханских войск. Численность их вместе с подошедшим из Молдавии турецким отрядом достигала 80 тысяч. Хан ждал здесь соединения с главными силами визиря, готовившимися к переправе через Дунай у Исакчи. Чтобы не допустить этого, Румянцев решил немедленно атаковать противника. Для осуществления операции он сосредоточил все свои силы, выделив лишь двухтысячный отряд для охраны мостов у Фальчи.

Наступление началось около 2 часов ночи. В 4 часа передовые каре подошли к лагерю и, поддержанные сильной артиллерией, начали атаку. Около 12 часов дня вражеские войска обратились в бегство. Авангард Баура провожал их артиллерийским огнём.

Хан потерял в сражении около 1 тысячи человек, 30 орудий, 3 мортиры, знамёна, много имущества; русских выбыло из строя не более 100 человек. В беспорядочном отступлении противник рассеялся в разных направлениях; турецкие части отошли по течению Кагула, татары же — к Измаилу и Килии.

Весть о разгроме при Ларге была получена великим визирем Халиль-беем во время переправы его войск через Дунай. Получив сведения о наступлении Второй русской армии на Бендеры, визирь решил воспрепятствовать осаде крепости.

Двинувшись навстречу разбитым ханским войскам по восточному берегу озера Кагул, он установил связь с отступившими за озеро Ялпук татарами с целью присоединения их к своей армии. Подойдя к остановившимся у озера Кагул турецким частям, отступившим от Ларги, турецкая армия расположилась здесь лагерем.

Армия Румянцева имела теперь перед собой главные силы турок, а в своём тылу — разбитые, но вновь начавшие скапливаться и достигавшие до 80 тысяч человек войска хана. Численность войск визиря составила 150 тысяч человек. Хану, получившему значительное подкрепление, Халиль-бей поручил разрушить тыл русских, а затем идти на соединение с ним.

Положение Румянцева было тем более опасным, что запасы продовольствия иссякали, а татарская конница грозила, перерезав коммуникации, прекратить движение транспортов. Естественной была мысль об отступлении для обеспечения продовольственной базы.

Румянцев поступил иначе.

В то время как визирь двигался к озеру Кагул, Румянцев 10 июня направил авангард Баура по течению реки Кагул к деревне Гречени. Сам он, отослав обозы к Фальчи для встречи с транспортами и поддерживая связь с Бауром посредством корпуса Репнина, перешёл в долину реки Сальчи и остановился на правом её берегу. Позиция Румянцева обеспечивала связь с Фальчи и Бендерами, держала под угрозой татарскую конницу и в то же время позволяла быстро со-

средоточиться в любом направлении. Возможность соединения турецких и татарских сил, однако, не исключалась, и Румянцев, чтобы не допустить этого, двинув 17 июля свои войска к Кагулу, соединился с корпусами Баура и Репина у деревни Гречени, несколько севернее полосы остатков древнеримских укреплений, известных под наименованием Траянова вала.

Сконцентрировать все силы не было, однако, возможности, так как натиск татар в тылу усиливался. Румянцеву пришлось отправить из Гречени сильные подкрепления и довести численность тыловой группы до 11 тысяч человек. Таким образом, сосредоточенные войска заключали в себе не более 27 тысяч человек при 188 орудиях.

20 июля в направлении к Траянову валу, тянувшемуся в нескольких верстах южнее русского расположения, показались массы турок, занявшихся устройством лагеря в 7—8 верстах за валом.

Новая позиция, избранная визирем, ограничивалась с севера (с фронта) Траяновым валом, с запада — глубокой рекой Кагул, с востока — широкой лощиной, постепенно сближающейся к югу с долиной реки Прута. К этим «воротам» сходились четыре гребня высот, веерообразно расположенных на пространстве между Прутом и лощиной. Средний хребет пересекал Траянов вал и тянулся далее к югу примерно на 4 версты.

Турецкий лагерь располагался таким образом «в мешке», между лощиной и течением Прута, заняв при этом проходившую здесь командную

возвышенность. Преимущество позиции визирь, вероятно, усматривал в удобстве передвижений конницы по лощинам между хребтами для атаки расположенных южнее русских войск и действий на их тыл, если бы они вздумали с этой стороны атаковать лагерь. Невыгоды позиции были, однако, гораздо значительнее: она была тесна, изрезана хребтами, изолировавшими части войск, а левый её фланг оставался почти незащищённым.

Последний недостаток турки рассчитывали возместить искусственным укреплением позиции. За первую ночь они возвели по фронту четыре яруса окопов, выдвинув перед ними пять рвов; с флангов укрепления возвести не успели.

Рассказывают, что Румянцев решил атаковать турок сразу, как только увидел, что они заняли эту позицию. Составленный им план атаки сходен с планом сражения при Ларге в том, что и тут и там исход боя решался ударом основной массы сил на главном направлении, тогда как остальные операции имели лишь подсобное значение. В то же время план атаки Кагульского лагеря проще, а идея главного удара в нём выражена ярче.

Основные усилия направлялись на левый фланг. Сюда, по разным путям, должны были подойти авангард Баура, дивизия Племянникова и дивизия Олица. Авангард Репнина и дивизия Брюса имели поручение атаковать в это время правое крыло противника, а также, если понадобится, подкрепить атаку левого фланга. Таким образом, из общего числа около 27 тысяч человек, кото-

рыми располагал Румянцев, против левого фланга предназначалось 19—20 тысяч.

Наступление началось в 2 часа ночи 21 июля. Войска стали подниматься на хребты, уходившие в направлении к вражескому лагерю. В начале 5 часа русские, подойдя к Траянову валу, построились в боевой порядок и двинулись на врага, встретившего их орудийным и ружейным огнём.

Неприятельская кавалерия показалась было перед дивизией Брюса и корпусом Репнина, но под метким огнём русских быстро ретировалась.

Артиллерийский огонь с укреплений усилился. Под его прикрытием турецкая конница лощинами устремилась на наступающих. Сильный конный отряд начал в то же время обход русского фланга и окружил каре Брюса и Репнина. Проникнув за Траянов вал, турки, используя последний в качестве прикрытия, открыли сильнейший ружейный огонь и окружили дивизию Олица.

Для русских создалось крайне опасное положение. Но Румянцев не растерялся. Вызвав резерв, он оттеснил противника от устьев лощин, двинул сюда артиллерию и открыл огонь по конным массам, стеснённым в лощинах боковыми хребтами. Несмотря на большие потери, турки, однако, продолжали натиск, бросая в атаку всё большие силы.

Действия турецкой конницы были особенно опасны для частей Репнина и Брюса. Русские пехотные каре очень успешно отражали конные атаки, но кавалерия оказалась в критическом положении. В целях лучшей обороны её отвели за каре, а с тылу и с флангов прикрыли пехотой,

построенной в мелкие батальонные каре. Отражение натиска турецкой конницы заняло около 3 часов. К 8 часам утра связь между главными силами и изолированными группами войск Брюса, Репнина и Олица была восстановлена, и русские перешли в решительное наступление.

Первым приблизился к левому флангу противника Баур, уже готовившийся к атаке. Вслед за ним подошло каре Племянникова, за которым левее и несколько отступя следовали каре Олица и конница Салтыкова, а сзади — резерв. Меткий орудийный и ружейный огонь атакующих заставил выдвинутых вперёд защитников укрепления отступить. Каре Племянникова ускорило движение, но лишь только русские поднялись на небольшую высоту, лежавшую в непосредственной близости к укреплению, скрывавшаяся в лощине засада в составе большого отряда янычар¹ атаковала каре и стремительным натиском прорвала его фронт. Ворвавшись внутрь русского боевого построения, противник привёл его в замешательство. Расстроенные передовые части стали отступать, с трудом отбиваясь от массы нападавших на них янычар.

В этот критический момент огромную роль сыграло вмешательство Румянцева. Появившись среди бегущих, он под саблями янычар личным примером воодушевил солдат и приостановил отступление. В то время как высланный вперёд Первый гренадерский полк под командой бригаа-

---

¹ Янычары — отборные привилегированные пехотные войска, гвардия султанской Турции.

дира Озерова отражал яростный натиск янычар, Румянцев вновь выстроил войска в каре и лично повёл их на противника.

Между тем гренадерский батальон Воронцова (из частей Баура), пробравшись ложиной к плохо защищённому турецкому левому флангу, открыл продольный огонь, что чрезвычайно помогло успеху Племянникова и Олица. Вслед за Воронцовым двинулись остальные силы Баура. Брюс в это время атаковал правый фланг неприятеля, а корпус Репнина, успев проникнуть в тыл противника, обрушил на последнего жестокий артиллерийский огонь.

Терпя громадный урон, поражаемый с фронта и с тыла противник, сбитый в нестройную толпу, побежал в направлении к Дунаю, бросив лагерь и артиллерию в составе ста сорока вполне исправных орудий с громадным количеством боеприпасов.

Сражение продолжалось с 5 до 9½ часов. Войска были утомлены, и пехота могла без передышки гнать бегущих не более чем на 4 версты. Дальнейшее преследование неприятеля, отступавшего по долине Кагула, было успешно проведено менее утомлённым в сражении корпусом Баура. Турок, бсжавших в направлении на Измаил, преследовал отряд генерала Игельстрома.

Потери, понесённые неприятелем в битве, были огромны. Ещё больше пострадал он во время преследования. Корпус Баура нагнал турецкую армию, в то время как она посредством 300 судов переправлялась через Дунай. В паническом

страхе люди перегружали суда до крайности и тонули. На берегу сгрудились обозы.

Как только подошедшие части Баура построились в две линии, готовясь начать атаку, турки приняли предложение сдаться. Часть их попыталась было спастись на судах, высланных визирем, но Баур затопил эти корабли, обрушив на них артиллерийский огонь. Все оставшиеся на берегу сдались в плен.

Русские овладели колоссальным турецким обозом, загромождавшим весь берег лошадьми, верблюдами, мулами, множеством скота, и остатками турецкой артиллерии в составе двадцати шести медных орудий.

Отряд Игельстрема, преследовавший бежавших в сторону Измаила, захватил мосты у устья Яллуха, разбил арьергардные части противника и овладел его обозом. Вслед за Игельстромом Румянцев 23 июля отправил Репнина, подкрепив его отрядом Потёмкина. 26-го русские овладели Измаилом и продолжали наступление. 10 августа была захвачена Килия, 28-го — Аккерман. 16 сентября Панин штурмом взял Бендеры, 10 ноября был занят Браилов. Пространство между Дунаем, Прутом и Днестром было очищено от турок. Стратегически важные пункты русские заняли своими гарнизонами.

Кампания закончилась. Войска расположились в окрестностях Ясс на зимние квартиры. Румянцев получил фельдмаршалский жезл.

«Сражение при реке Кагуле, — говорит старинный биограф Румянцева, Бантыш-Каменский, —

походит более на баснословное, нежели на действительно историческое, ибо семнадцать тысяч Россиян¹ побили на голову полтораста тысяч турков, отразив сто тысяч татар, угрожавших с тылу». «Турки потеряли тогда сорок тысяч человек и надежду победить когда-либо Россию», — говорит другой (анонимный) биограф, современник Румянцева.

Не только русские современники и ближайшие потомки Румянцева оценивали так значение его победы; даже Фридрих II нашёл необходимым обратиться к победителю при Кагуле с письмом, в котором говорил: «Полная победа, которую одержали вы над турецкой армией, приносит вам тем более славы, что успех её был плодом вашего мужества, благоразумия и деятельности».

6

КУЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКИЙ ДОГОВОР. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ РУМЯНЦЕВА

Как ни тяжелы были поражения, понесённые в 1770 г. Турцией, эта могущественная в то время держава имела достаточно сил, чтобы возместить свои потери и настойчиво продолжать борьбу. Война поэтому затянулась.

Весной 1774 г. Румянцев начал общее решительное наступление. Для обеспечения переправы

---

¹ Бантыш говорит здесь об ударной группе, решившей исход сражения.

через Дунай главных сил армии он выслал на противоположный берег реки восьмитысячный корпус ген. Каменского, который занял Карасу. 2 июня он соединился в Базарджике с шеститысячным отрядом Суворова. Высланный навстречу русским сорокатысячный корпус противника был разгромлен при Козлудже. Созванный Каменским военный совет постановил сделать шестидневную остановку и, приведя в порядок материальную часть и пополнив продовольственные запасы, занять позицию, угрожающую коммуникациям визиря.

Этот план вызвал резкое осуждение Румянцева. «Вследствие задержки в развитии успеха,— писал фельдмаршал Каменскому,— неприятель может собрать и ободрить разбитые войска и учредить свою оборону в укреплениях... Не дни, да часы и моменты в таких положениях дороги и потеряны невозвратно». Поэтому он приказал Каменскому немедленно по получении ордера (приказания) подступить к Шумле, где были сосредоточены главные силы визиря, и попытаться овладеть ею «по удару» и лишь в крайнем случае «поставить корпуса в такое положение, чтоб стеснить всеместно неприятеля, запершегося в укреплениях».

17 июля передовые корпуса приблизились к крепости, угрожая её сообщениям с Адрианополем. В то же время главные силы начали обходное движение, а отряд генерала Заборовского открыл действия в Болгарии. Среди турок, терявших связь со своими базами, поднялась паника. Визирь, до того отказывавшийся от мирных пе-

реговоров, прислал просить перемирия. Румянцев отклонил это, так же как и предложение созвать конгресс: он понимал, что затяжка может позволить врагу собрать новые силы и, прервав переговоры, вновь продолжать борьбу. Полагая вынудить врага к быстрой и безоговорочной капитуляции, Румянцев занял сильным отрядом деревню Кучук-Кайнарджи и демонстрировал намерение двинуться на соединение с Каменским. Снова явились турецкие парламентёры; убедившись в решительности намерений Румянцева, визирь был вынужден «отдалить все противности и согласиться с уполномоченным... генерал-поручиком князем Репниным заключить без отлагательства вечный мир».

Румянцев отклонил все попытки турок затянуть переговоры формальностями. Всё дело было «трактовано без всяких обрядов министеральных, единственно скорою ухваткою военною, соответствуя положению оружия», — доносил Румянцев в своей реляции о ходе мирных переговоров. Прелиминарный текст мирного трактата был подписан в ставке Румянцева, в походной обстановке, на барабане. Договор обеспечил России исключительно выгодные условия. Султан отказался от своих верховных прав над Крымом и областями северного Причерноморья. Юго-западная русская граница была установлена по Бугу, а на востоке — по Кубани. Россия приобретала право свободного плавания и торговли на Чёрном море. Её положение на Чёрном море усиливалось приобретением крепости Кинбурн у устья Днепра и крепостей Керчь и Еникале на

Крымском полуострове. Этим были созданы предпосылки для присоединения к России всего Крыма. На Азовском море положение было упрочено правом укреплять Азов, который таким образом обращался в мощный опорный пункт.

Впереди оставались трудности по ратификации трактата. Румянцев, в это время тяжело больной малярией, свирепствовавшей в войсках, руководил из Фокшан всеми деталями переговоров в Константинополе. В результате дипломатического такта, прекрасной осведомлённости, ловкости и особенно твёрдости фельдмаршала султан, наконец, был вынужден утвердить договор без всяких изменений.

Румянцев был щедро награждён, назначен начальником всей русской кавалерии, но, как он чувствовал это и во время войны, его роль в военной и политической жизни становилась всё более ограниченной. Недавно служивший под его начальством генерал Г. А. Потёмкин, став «любимцем счастья», поднялся теперь над всем и всеми. Человек блестящих способностей и широкого государственного ума, но честолюбивый и самовластный, Потёмкин хотел быть единственным руководителем армии, и императрица поддерживала его в этом.

Сознавая невозможность борьбы с всемогущим Потёмкиным, Румянцев уехал на Украину. Его вызывали в Петербург по отдельным поручениям, например для сопровождения великого князя Павла в Берлин; потом он снова возвращался к делам «по управлению Малороссией».

На него была возложена работа по присоединению и закреплению за Россией Крыма, но главную роль и в этом деле стал играть Потёмкин, скоро ставший светлейшим князем Таврическим.

Когда в 1787 г. Турция, стремясь вернуть себе Крым, начала новую войну с Россией, командующим русской главной армией стал князь Потёмкин-Таврический. Румянцеву дали Вторую, «резервную» армию. Поставленный в фактическую зависимость от Потёмкина и от союзного австрийского командования, старый фельдмаршал долго не выезжал к войскам, отсиживаясь в своих имениях. Когда, наконец, он прибыл в действующую армию, положение его оказалось тяжёлым и двусмысленным.

Военные операции развивались не так, как того хотел Румянцев. Его заставляли действовать по чуждой ему, кордонной системе, которую он постоянно высмеивал. Он получал указания от Потёмкина, настойчивые советы и требования представителя союзной армии принца Кобурга, командовавшего австрийскими войсками, упрёки из Петербурга, где у Румянцева было много недоброжелателей при дворе, использовавших нелюбовь императрицы к фельдмаршалу.

Тем не менее и в эту, столь тяжёлую для него кампанию Румянцев сумел проявить исключительное мастерство и показал образцы маневренных действий. В свои действия Румянцев внёс существенно новое: в противоположность австрийцам, оперировавшим растянутыми силами, слабо связанными между собой отрядами, Румянцев в

нужный момент быстро сосредоточивал все свои войска в нужном направлении.

Так поступил он в отношении своего центра после переправы через Днестр, когда австрийцы предательски очистили Яссы и турецкое наступление оттуда угрожало любому участку армии. Развернув операцию у Бендер, Румянцев не растянул своих сил, а, сосредоточив их, поставил противника под опасность флангового удара в случае его прорыва к Хотину или в тыл. Сковав искусным маневром турок у Рябой Могилы, он при всякой их попытке к наступлению противопоставлял им сосредоточенные силы. Заставив врага после падения Хотина отступить от Рябой Могилы, он без всяких потерь добился стратегического успеха, который могло дать выигранное сражение.

Полное расхождение с Потёмкиным в определении целей будущей кампании сделало невозможным продолжение совместной деятельности обоих главнокомандующих. Румянцеву пришлось уйти. Он очень тяжело переживал это. В конце 1790 г. он отправился на Украину и заперся сначала в своём имении Вишенках, а потом в Ташани. Его полководческий путь казался законченным.

Императрица не скрывала неудовольствия самостоятельностью и настойчивостью старого фельдмаршала. Он совсем не появлялся при дворе и не выезжал из Украины, наместником которой оставался до конца жизни. Но в 1794 г. началась война с Польшей, представлявшая много стратегических и политических трудностей.

Желая объединить командование и при том так, чтобы не нарушить старшинства чинов, участвовавших в войне генералов, Екатерина была вынуждена поставить во главе войск Румянцева. Это была последняя война старого фельдмаршала, не выехавшего на театр военных действий и фактически вверившего войска Суворову, в котором он видел своего наследника, преемника и продолжателя.

Павел I, вступив на престол, пожелал вызвать в Петербург престарелого «российского Нестора», как называл Румянцева Суворов. Но было уже поздно. 25 ноября 1796 г. Румянецев почувствовал себя плохо. В начале декабря состояние улучшилось. «4-го числа декабря по полуночи в 7 часов, он пил кофе с сухарями, отправляя свои письменные дела, и был очень бодр и весел, а в 9 часов параличный удар отнял у него язык и всю правую сторону тела». Следующие двое суток Румянецев провёл в беспамятстве. «Все старания врачей спасти сего высокого больного и исторгнуть его из челюстей смерти», — по словам очевидца, — ни к чему не приводили. 8 декабря Румянецев скончался. Его похоронили в Киеве в Печерской лавре.

7

РУМЯНЦЕВ КАК ОДИН ИЗ ТВОРЦОВ РУССКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

С середины XVIII века прусская наёмная армия и выработанная на её базе линейная тактика и стратегия истощения противника сделались

образцом для всех европейских войск. Западная доктрина стала усердно насаждаться и в русской армии. На опыте Семилетней войны Румянцев мог убедиться в тех преимуществах, которые давали полководцу хорошая выучка, дисциплинированность и подвижность армии Фридриха, но наряду с этим он правильно оценил огромное значение и силу внутренних свойств национальной русской армии, которые могли явиться основой для стратегии и тактики, совершенно отличных от прусского военного искусства.

Русских солдат не было необходимости, подобно немецкой наёмной армии, держать под постоянным надзором; можно было допускать их действия небольшими группами; русские солдаты проявляли в бою живую инициативу, чувство товарищеской поддержки и готовность к самопожертвованию — качества, которых не ждал и не мог ждать от своих солдат полководец наёмной армии.

Исходя из этих вполне понятных и близких ему особенностей русской армии, Румянцев уже во время Семилетней войны пошёл до пути национального развития военного искусства и итоги этого опыта подвёл под Кольбергом, операции против которого явились боевой школой и начинавшего свой славный военный путь Суворова.

Период после Семилетней до Первой Турецкой войны не остановил развития стратегической и тактической мысли Румянцева. Ввиду назревавшей войны с Турцией он работал над методами борьбы с её вооружённой силой. Основным он попрежнему считал сохранение инициативы и ак-

тивности. При этом первую задачу он видел не в захвате позиций, крепостей, территорий, а в поражении живой силы противника. «Никто не берёт города, не раздлавшись прежде с силами, его защищающими», — говорил Румянцев, критикуя неудачные действия русского командования в начале Первой Турецкой войны.

Эта мысль, сущность которой нашла своё отражение ещё в стратегии Петра I, многократно повторялась затем русскими полководцами. Являясь основой военного искусства Румянцева, она послужила затем краеугольным камнем стратегии и тактики Суворова, гениально развившего в своей полководческой деятельности положение о сокрушении живой силы противника.

Но решительный удар может быть нанесён противнику лишь сосредоточенными силами. Этот принцип Румянцев применял последовательно и постоянно. Лишь во Вторую Турецкую войну по требованию союзников-австрийцев он был вынужден допустить применение в своей армии кордонной системы, что, впрочем, полностью шло вразрез с его личными желаниями. Опротестовывая предположение австрийского фельдмаршала Ласси разместить сорокатысячную армию Румянцева мелкими отрядами на пространстве около 400 вёрст длины, Румянцев писал: «Какой конец будет иметь сие дальновидное предположение? Если мысль была, чтобы неприятеля лучше тем растянуть, то тоже трудно и самим соединённо действовать... Ласси, если то был его план, не имеет причины им утешаться».

Придавая огромное значение подвижности армии, Румянцев неутомимо и с величайшей настойчивостью занимался обучением войск. Он приучал их к маршам в колоннах и линиях, перестроениям из развёрнутого строя в колонны. Части вели учебные фуражировки, переправы через реки. Большое внимание уделялось учебным атакам и обороне укреплений. Сам постоянно присутствуя на ученьях, Румянцев требовал, чтобы «каждое с войсками предприятие на глазах главного командира происходило и было искусно вразумляемо и объясняемо».

Работа артиллерии значительно усовершенствована была приданием «пионеров» (сапёров), введением единообразия калибров и установлением новых правил обучения и действия артиллеристов.

Считая парадную тяжёлую кавалерию бесполезной, Румянцев добился её упразднения и сделал конницу подвижной и приспособленной к реальным целям войны. При конных атаках установлен аллюр-галоп с действием только холодным оружием.

Обращено было большое внимание на индивидуальную подготовку солдат, сокращены и упрощены ружейные приёмы, наряду с линейным боевым строем в две шеренги стали применять построение и в колонны.

Выдвигая наступление как основное условие победы, Румянцев нашёл новые формы строя, которые обеспечивали подвижность и маневренность армии. Он первым ввёл в русской армии боевое построение в мелкие (вплоть до батальонных и ротных) «кареи», которыми впоследствии

с таким блестящим успехом пользовался в операциях против турок также и А. В. Суворов.

Основную силу войск могущественной в то время Турецкой империи составляла конница. Её лёгкие и подвижные массы, встречаясь с противником, быстро производили охваты и обходы; мощный удар в тыл противника был постоянным и губительным для вытянутых в линию европейских войск приёмом турок.

На опыте войны с Турцией русские и австрийские полководцы для борьбы с могущественной вражеской конницей стали применять построение в каре — огромный четырёхугольник, составленный из пехотных линий и усиленный артиллерией, размещённой по углам и фасам каре. Обозы и конница обычно помещались внутри этого боевого построения.

Для того чтобы ещё более затруднить действия атакующей конницы, каре окружалось сцеплёнными посредством крючьев рогатками¹ с острыми пиками.

Естественно, что при таком порядке не могло быть и речи о подвижности, маневренности войск, о их способности к наступательным действиям. Даже и обороноспособность «карея» была невелика, так как равномерно расположенные по фасам силы во время боя не могли быть перегруппированы, а враг, нанося удары по любой

---

¹ Рогатка — приспособление для преграждения доступа в виде бревна, поперечно положенного на скрещённых стойках с выступающими вверх и в стороны заострёнными концами.

точке, мог сосредоточить на участке атаки какие угодно силы. Турки так и делали. Если же им удавалось прорвать фас «карея» и они проникали внутрь его, весь порядок смешивался и прорыв обычно означал быстрое и полное поражение.

Вследствие этого вместо одного гигантского каре русские стали строить два-три каре, расположенных один около другого и связанных между собой кавалерией. Невыгодой этого типа построения, помимо его громоздкости и неподвижности, являлось ещё то, что войска, составляющие боковые смежные фасы каре, были фактически выключены из боя, который разыгрывался преимущественно на переднем или заднем фасах.

Требую от своих войск прежде всего маневренности и подвижности, Румянцев не мог примириться с этим тяжёлым и громоздким порядком.

Не без колебаний и после долгой борьбы со сторонниками привычной формы сражения с турецкой конницей он вовсе отменил применение рогаток, а войска стал строить в мелкие каре, легко свёртывавшиеся в батальонные колонны и приспособленные не только для обороны, но и для быстрого наступления. Если каждое из этих каре было способно к отражению натиска, с какой бы стороны он ни обрушивался, то вместе с тем оно являлось частью стройной общей системы, удобной для обороны и подвижной в наступлении.

Отмена рогаток и действие системой мелких «кареев» составило важный этап в развитии

русского военного искусства и дало русским огромные преимущества в войнах с Турцией.

В построении и осуществлении плана войны Румянцев исходил из стратегических принципов, выработанных им в предыдущие годы; он не замкнулся, однако, в них и не ограничился их общим применением, а уточнил, развил и конкретизировал их применительно к специфике противника. Основной принцип—наступление и сокрушение живой силы врага — оставался прежним. «Я того мнения был и буду, — говорил Румянцев, — что нападающий до самого конца всё думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе страх соразмерно сделанному на него стремлению. Не полагаю я отнюдь быть и правилом, чтоб всегда надобно равное противу равного употреблять оружие, а держусь того, чтоб своим превозмочь над противником». «С малым числом разбить великие силы, тут есть искусство и сугубая слава, а быть побеждённым от превосходного в силах дело не есть чрезвычайное». Подобное положение в войне с турками было совершенной новостью: в отношении их могущественной конницы и русские и австрийцы считали возможным применение лишь оборонительной тактики.

Резко сокращена была громоздкость обоза, делавшая ранее невозможным быстрые передвижения армии, и отменена практика следования его непосредственно при войске. Армия приобрела невиданную раньше подвижность и способность не только к стойкой, мужественной обороне, но и к смелому, быстрому наступлению.

Румянцев тщательно следил за координированным действием всех частей и родов оружия, отводя одинаково важное значение работе артиллерии и кавалерии, хотя основной решающей силой считал пехоту. Она оставалась главной опорой армии Румянцева. Воспитанная в высоких моральных принципах, связанная крепкой дисциплиной, тщательно обученная, смелая, стойкая, она показала себя способной к ловкому маневрированию и решительному действию. Крупную роль играли стрелки-егеря, действовавшие в рассыпном строю впереди боевых построений. Двигаясь впереди колонн или «кареев», они наносили огромный урон неприятелю и подготавливали штыковой удар, решавший исход сражения. На «цельность» стрельбы было обращено серьезнейшее внимание.

Большее значение, чем раньше, приобрела артиллерия, работа которой тесно увязывалась с действиями других родов оружия. «Пехоте надлежит при всяком случае, где приказано будет, на неприятеля наступать, — говорил Румянцев, — а особливо на овладение батарей и окопов, держа весь порядок строя... итти поспешно, чтоб не медлить под неприятельским огнём, который артиллерия должна своими ужасными залпами к молчанию привести. Искусство артиллеристов наставить их производить огонь в содействие и облегчение одного перед другим, т. е. оказывать друг другу всемерную поддержку». При этом от артиллерии требовалась подвижность и умение выбирать такие позиции, с кото-

рых можно нанести врагу наибольший урон. Обеспечение возможности захватить такие позиции возлагалось на пехоту.

Ряд улучшений был введён Румянцевым в кавалерию, хотя она всё ещё была недостаточно сильна для самостоятельной борьбы с мощной турецкой конницей и, нуждаясь в поддержке пехоты во время боя, размещалась в промежутках между каре. Признавая основной целью кавалерии действие холодным оружием в сомкнутом строю, Румянцев вместе с тем допускал возможность применения ею и огнестрельного оружия.

Огромное значение Румянцев придавал правильной организации разведки. Располагая хорошей лёгкой конницей, он посредством войсковой разведки и рекогносцировки всегда имел правильные сведения о противнике. «Для восприятия, — писал он, — в потребном случае супротивных мер против своего неприятеля, есть в том одна из главных должностей военачальников, чтоб стараться узнать его положение, силы и способы к действиям». Очень поучительны в этом отношении распоряжения Румянцева князю Репнину во время наступления 1770 г. от Измаила к Килии об организации разведки и сборе сведений о неприятеле.

Основной предпосылкой блестящих успехов полководческой деятельности Румянцева являлось правильное понимание им характера и качеств русского войска. В противовес западной военной доктрине, рассматривавшей армию как бездушную машину, Румянцев, как и гениальные последова-

тели его Суворов и Кутузов, видел в солдатах защитников отечества, верил в их внутренние силы, самоотверженность и доблесть. И надо признать, что его армия действительно «предпочитала славу оружия пред всеми земными выгодами».

«Я прошёл всё пространство степей от берегов Дуная, сбивая перед собою в превосходном числе стоявшего неприятеля, не делая нигде полевых укреплений, а противопоставлял бесчисленным врагам одно мужество и добрую волю вашу, как непреоборимую стену», — говорил Румянцев солдатам, благодаря их после Кагульского сражения.

Со своей стороны он справедливо гордился тем, что армия считает своего главнокомандующего «прямым солдатом».

Как правильно отметил современник фельдмаршала, «Румянцев, споспешествуемый естественным гением, совершенно знал образ мыслей своих солдат, и сему то сведению должно приписать благоразумные перемены его в тактике, принятой российскими военачальниками».

Подобно Петру I, основным требованием выдвинувшего «не держаться устава, яко слепой стены... но действовать с разумением», Румянцев высоко ценил инициативу своих командиров, и надо признать, что под его начальством ряд генералов, не говоря уже о Суворове и Кутузове, оказался на высоте положения. Требуя, чтобы командиры служили примером своим подчинённым, Румянцев сам был для всех образцом доблести.

Румянцев обладал исключительной памятью и

быстротой восприятия. «Быстрейший имел бег мыслей и дар слова пространнейший. Если приказывал писать что-либо, то сказывал три раза содержание об одной материи и всякой раз одно другого превосходнее», — рассказывает его секретарь Н. Лесницкий.

Осталось огромное количество дел с резолюциями, пометками, распоряжениями Румянцева. Масса бумаг написана им собственноручно. Как рассказывает современник, Румянцев писал «весьма связно, охотно разъяснял, если чего не прочёл секретарь, но диктовать никогда не любил. Иногда, приказывая как переменить содержание какого-либо из подносимых отпусков, тут же на нём то самое и писал так скоро, как говорил».

«Зрение и память имел удивительные. В поздних годах уже ни очков, ни стекла не употреблял. Сам читал все получаемые дела, и никогда никто оных пред ним чтением не докладывал. Читал одним взглядом не строки, но периоды и целые страницы и вдруг содержание их и резолюцию сказывал или своею рукою надписывал», — отметил в своих записках Н. Лесницкий. Румянцев отличался способностью руководить одновременно многими разнообразными делами. Он обладал исключительными юридическими познаниями и был знатоком как общерусского законодательства, так и малороссийского права. Его память приводила в изумление. Он помнил всех, с кем встречался; до мелочей знал своих офицеров и хранил в памяти самые подробные сведе-

ния о всех сколько-нибудь выдающихся людях не только России, но и соседних государств. Он был глубоким знатоком и ценителем искусства.

Румянцев обладал железным здоровьем и неограниченной работоспособностью. Он был одинаково неутомим и в канцелярии и на поле сражения. «В походе наряжалось два эскадрона в конвой к фельдмаршалу, и он, несмотря ни на какую погоду, верхом в одном мундире, до половины марша ехал при корпусе», — рассказывает участник Турецкой войны Л. Н. Энгельгардт. — На половине приказывал делать отбой на час времени, а сам с главным штабом уезжал вперёд осмотреть занятые лагеря; иногда приказывал, по положению места, переменить лагерь, потом ездил в авангард, осматривал отъезжие пикеты и приказывал, куда посылать партии. Случалось, что мы, пришед в лагерь, уже отдохнули, а он только что приезжал».

Проводя в походе целый день на коне, объезжая части, Румянцев лично участвовал в рекогносцировках, принимал доклады, входил во все мелочи управления. Во время остановок армии до глубокой ночи работал над доставляемыми ему донесениями, картами, планами движений отдельных корпусов и операций армии в целом.

Не менее напряжённо работал он и в то время, когда войска располагались на зимние квартиры.

«Образ жизни фельдмаршала в Яссах был таков: он вставал всегда в пять часов; в шесть приходил к нему с рапортом дежурный генерал, потом секретари его разных экспедиций по оче-

реди подносили дела, которые он приказывал к тому дню приготовить; в десять в кабинет были допускаемы генералы и некоторые полковники; в одиннадцать выходил он в приёмную комнату и из бывших тут почти с каждым говорил. Наконец отворялись двери и допускаемы были к нему люди всякого звания с просьбами; словесные просьбы выслушивал он с терпением и тогда же делал удовлетворение, отсылая их куда следует, или чрез своих адъютантов или ординарцев; писанные же просьбы принимал и клал в карман. Рассматривая их, он на всякой своею рукою надписывал резолюцию и к которому числу должен её секретарь исполнить, записывая у себя в особливую тетрадь, и в следующее утро справлялся с нею, какие дела и какой секретарь должен ему был доложить».

Как вельможа своего времени, Румянцев был окружён богатством, пышностью и роскошью обстановки. Однако в личной жизни он был очень нетребовательным. На походах он предпочитал остановки в скромных обывательских домах, носил мундир из грубого сукна, пользовался простым экипажем.

Румянцев никому не давал наградений по личным симпатиям, но, как говорил он сам, «внимал на службу и на достоинство, а не на искание». Его служебная честность была такова, что большинство сотрудников Румянцева сохранили к нему глубокое уважение на всю жизнь.

Гордый и даже надменный с людьми своего круга, Румянцев был очень скромен в оценке

своих заслуг. «Несчастью моему причина токмота, — писал он графу Григорию Орлову, — что я не умею себя рекомендовать».

«Не только оружием!», — гласил девиз Румянцева, который и в самом деле неутомимо проявлял себя на всех поприщах: и как правитель Украины и как дипломат, и как виднейший реорганизатор и воспитатель русской армии, и как замечательный полководец, победы которого стяжали ему мировую славу.

Екатерина, желая подчеркнуть военные таланты Потёмкина, в своих письмах к Вольтеру ставила его на один уровень с Румянцевым. Как «великого человека с именем, прославленным в воинских подвигах», характеризовали Румянцева иностранные дипломаты. Противник Румянцева в Семилетней войне Фридрих II признавал, что военная слава и успехи Румянцева являются «естественным следствием талантов и мужества знаменитого фельдмаршала». Солдаты румянцевских войск считали своего фельдмаршала «прямым солдатом», а Суворов, постоянно подчёркивавший глубокое уважение к Румянцеву, называл себя его учеником.

Развивая и совершенствуя принципы, заложенные Петром I, Румянецв явился выдающимся представителем национальной русской стратегии сокрушения противника. Твёрдый и последовательный, решительный и осторожный, он сочетал смелость и энергию прямого действия с широким применением манёвра. Стремясь прежде всего к истреблению врага в сражении, он

вместе с тем не отказывался от тактики воздействия на коммуникации противника, от стратегии «истощения» его. В этом последнем методе, столь характерном для военного искусства XVIII века, он отнюдь не видел, однако, единственного способа войны, как это признавали другие полководцы того времени. В тех случаях, когда обстановка военных действий и преимущество сил противника делали невозможным поражение врага прямым наступлением, Румянцев умело применял эти формы войны «на истощение» противника, но и в них, в отличие от полководцев Запада, всегда действовавших растянутыми на театре войны войсками, он установил совершенно необычный для эпохи метод действия сосредоточенными силами. Если победы Румянцева в кампании 1770 г. служили образцом торжества его смелой наступательной тактики, то в последующих кампаниях той же войны и во Второй Турецкой войне огромный военный талант Румянцева выступил с не меньшей силой, а опыт всей его военной деятельности показывает огромную широту его полководческой мысли и стратегии. Военное искусство Румянцева, выросшее из принципов, установленных полководческой деятельностью Петра I, явилось важнейшим этапом развития русской военной истории и славной боевой деятельности Суворова и Кутузова.

Боевой путь обоих этих полководцев начался в военной школе Румянцева: Суворова — в операции против Кольберга (1761 г.), Кутузова — в

кампании 1770 г. и в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Здесь под непосредственным руководством Румянцева усвоили они принципы, взгляды и навыки, которые Румянцев насаждал в своих войсках. Это были здоровые принципы национального русского военного искусства, традиции которого навсегда остались жить в русской армии. И если принципы эти, возведённые на ещё более высокую ступень, с огромной силой проявились в боевом творчестве гениев русской военной мысли Суворова и Кутузова, то те же традиции продолжали жить и проявляться в русских войсках и на протяжении дальнейшей истории нашего народа.

Исторические заслуги Румянцева поэтому чрезвычайно велики. Они не исчерпываются значением его побед, укрепивших величие и мощь России. Не менее существенна его роль как одного из виднейших творцов в области русского военного искусства. Румянцев возродил петровские начала военного мастерства и явился предшественником Суворова, поднявшего на невиданную высоту русское национальное военное искусство, дальнейшее развитие которого в новых, высших формах венчает победами нашу армию в ее великой борьбе с германским фашизмом.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ДЕТСТВО И МОЛОДЫЕ ГОДЫ П. А. РУМЯНЦЕВА . . .	7
2. РУМЯНЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ С ПРУССИЕЙ (1756—1762 гг.)	1
3. ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ РАБОТА РУМЯНЦЕВА	18
4. КАМПАНИЯ 1770 г. СРАЖЕНИЕ ПРИ РЯБОЙ МОГИЛЕ	23
5. ПОБЕДЫ ПРИ ЛАРГЕ И КАГУЛЕ	32
6. КУЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКИЙ ДОГОВОР. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ РУМЯНЦЕВА	42
7. РУМЯНЦЕВ КАК ОДИН ИЗ ТВОРЦОВ РУССКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА	48

Редактор *Н. Фройнд*

Подписано в печать 3 августа 1944 г. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 185. А 10866. Объем 2 п. л. Цена 60 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»
ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.